

юридический бизнес

«Человеком надо оставаться — это главное»

В текущем году Юридической группе «Яковлев и Партнеры», одной из первых юридических компаний страны, исполняется 30 лет. Все эти годы компания занимает на рынке устойчивые позиции в сфере судебного представительства и сопровождения прямых инвестиций. О зарождении права на постсоветском пространстве, визитах налоговой полиции в Центробанк, вариантах решения проблемы обманутых дольщиков и человеческих качествах, важных для хорошего юриста, „Ъ“ поговорил с основателем компании, управляющим партнером **Андреем Яковлевым**.

— круглая дата —

— Андрей Юрьевич, в 1990 году основы гражданского законодательства только начали формироваться, и именно тогда вы создали компанию. За амбициозным и творческим занятием пролетело 30 лет. Как будете отмечать такую дату?

— Наш день рождения — 13 декабря, он еще не скоро (*смеется*). На самом деле история компании началась несколько раньше — когда я еще трудился в военной прокуратуре: сначала следователем, затем помощником прокурора. В те годы начиналась эпоха совместных предприятий, и мой лучший друг Александр Пинаев, который к тому времени уже работал в одном из них, как-то пришел ко мне с вопросом: «Слушай, а ты можешь написать срочный трудовой договор? Фирма заплатит, а ты ведь юрист — придумаешь, каким образом». Поскольку специализация у меня была отнюдь не гражданско-правовая, голову пришлось поломать. В итоге я нашел форму гражданско-правового договора подряда, наступал на машинке «Юникс» с отломанной буквой «Ф», купленной за офицерскую зарплату, этот трудовой документ — и заказы на работу посылались один за другим. Договоры о совместной деятельности, уставы кооперативов и совместных предприятий были самыми популярными.

Регулирование гражданско-правовой сферы глубиной тогда не отличалось, а бурно растущее предпринимательство требовало самых различных форм. Заказчики, как правило, знали, что им нужен юрист, но не могли сформулировать зачем, поэтому приходилось говорить так: «Напишете, что вы хотите сделать, а мы облекуем ваши бизнес-идеи в правовую форму». Такая концепция жила довольно долго.

В ноябре 1990 года я уволился из прокуратуры, устроился работать в компанию «Лада экспорт», и одновременно вышло в свет Постановление Совета министров СССР №590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью». Генеральный директор «Лада экспорт» Александр Звягинцев и покойный Лев Бараникас предложили мне создать ООО, мы внесли в уставный капитал 10 тыс. руб. (деньги по тем временам немислимые) — и так появилось «маркетинговое торговое консультационно-инжиниринговое предприятие» в форме общества с ограниченной ответственностью МАТИК (в дальнейшем «Яковлев и Партнеры» — „Ъ“). Чуть позже деятельность МАТИКа свелась только к юридическому консалтингу, сформировалась небольшая команда, я занял пост директора и, собственно, с 1990 года эту компанию и возглавляю.

— Каким направлениям работы вы отдавали предпочтение в первые годы становления бизнеса, а какие практики добавились потом?

— На протяжении 30 лет мы реализуем два основных юридических продукта: судебное представительство и сопровождение прямых инвестиций — тех, что связаны с реальным сектором. Но мы всегда адаптировались к текущим условиям. Поначалу, как я и говорил, спе-

ФИЛИП АЛЕКСАНДРОВ / АГЕНТСТВО «ПАРТНЕРЫ»

КАРЬЕРА КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Андрей Яковлев — основатель, управляющий партнер юридической группы «Яковлев и Партнеры», председатель «МКА „Яковлев и Партнеры“». Родился 25 января 1960 года. Окончил юридический факультет Военного Краснознаменного института Министерства обороны СССР. Начиная карьеру в Вооруженных силах СССР, затем последовательно занимал следующие должности: главный юрисконсульт СП АСТО, административный директор СП «Ладаэкспорт», начальник юридического департамента ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию», руководитель юридического департамента ФГУП «Концерн „Росэнергоатом“», директор правового департамента, советник директора АО «Атомэнергопром». Член Союза юристов Москвы и административного совета Итало-Российской торговой палаты, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ.

циализировались на создании совместных предприятий и договорах о совместной деятельности, делали проекты по антирейду. С 1994 года занимались даже эмиграци-

ей: поскольку большинство отказов тем, кто хотел уехать, выдавалось по причине неверно сформированного пакета документов, мы начали консультировать в этой сфере. Именно в то время я привел в компанию Павла Петровича Тимохина и Наталью Васильевну Павлову — оба были специалистами в области эмиграционного консультирования в США, Канаду и Австралию, трудились с нами много лет, но, к сожалению, ушли из жизни. Увы, Павел Петрович не прислушался к моей рекомендации заняться иммиграцией в Россию — если бы мы тогда начали серьезную работу в этом

направлении, масштаб компании, возможно, был бы несколько иным.

В 1991 году в фирму пришла Ольга Наумовна Барабанова — и работает со мной уже 29 лет, теперь уже в должности главного бухгалтера компании.

Когда в 1994 году у нас установились отношения с ЦБ РФ (мы сотрудничаем с ним и сегодня, уже в лице АСВ), мы организовывали ряд поездок делегаций ЦБ в Канаду по вопросам страхования вкладов и на Гибралтар по вопросам открытия зарубежных филиалов российских банков.

В интересах ЦБ РФ нами осуществлялся проект по созданию Глобальной информационной системы —

успешная реализация этого проекта позволила проводить платежи в режиме реального времени по всей территории России. Конечно, мы вели только юридическую часть проекта.

Чуть позже, в 2006 году, меня позвали в атомную отрасль на должность директора правового департамента концерна «Росэнергоатом» — этот этап становления компании я также отношу к важным. Как раз начиналась пора реформирования, был принят федеральный закон №94 о проведении тендеров и аукционов на строительство объектов по госзаказу, включая атомные станции. Специалисты нашей компании, которых привлекли по субподряду, разрабатывали документацию на участие в закупках — и, как показало время, с этой задачей справились.

— Работа компании была сосредоточена преимущественно в столице?

— Наоборот, мы активно развивали свою региональную сеть, более того, я полагаю, что мы первая российская юридическая компания, принявшая такое решение. Участие в судебных спорах составляло основную часть нашей работы, и логика такого шага была довольно простой: я понимал, что крупные дела возникают в том числе и в региональных промышленных центрах, но заканчиваются в Москве, и лучше вести дело с самого начала, чем исправлять ошибки предшественников. Первое региональное представительство мы открыли в Нижнем Новгороде, затем в Твери, Кирове, Самаре, был даже филиал в Махачкале. Сказать, что это суперрентабельные подразделения, я не могу, но в них работают очень квалифицированные люди, а современная система коммуникаций обеспечивает хорошую синергию юристов в Москве и регионах.

— За 30 лет страна встретила много кризисов: в 1992, 1998, 2008, 2014 годах, теперь «коронакризис» 2020 года... Что менялось в компании «Яковлев и партнеры» после каждого переломного периода, как вы их проходили?

— В каждом кризисе возникает специфические задачи, и мы всегда умели быстро переориентироваться: в период экономического роста на первый план выходил консалтинг в инвестициях, во время спада превалировали суды. В целом мы всегда участвовали в кризисах: во время «семибанкирщины» помогали Центробанку в вопросах лицензирования, регулирования проблемных кредитов, участвовали в работе комитета кредиторов Инком-банка.

Иммунитет от кредиторов

— опыт —

с10 Кроме того, имели место случаи распространения моратория на должников, не включенных в список правительства, но входивших в холдинг, отнесенный к системообразующим организациям (АО «Волгострой» из холдинга «Евроцемент Групп»). Мнения юристов на этот счет разделились: одни считали, что необходимо прямо отнести конкретного должника к числу подмораторных, другие называли это допустимым, в том числе потому, что правительство, утверждая перечень системообразующих организаций, также учитывает их групповую (холдинговую) структуру.

В основном суды защищали должников широким толкованием норм о моратории, но были и случаи, когда правила трактовались ограничительно и в пользу кредиторов. Так, Четвертый арбитражный апелляционный суд решил, что факта отнесения компании к пострадавшим отраслям недостаточно для предоставления ей защиты от кредиторов. В июне апелляция отказалась приостановить исполнительное производство по взысканию 223,6 млн руб. с авиакомпании «Якутия». Суд не просто не увидел угрозы банкротства авиакомпании, но и решил, что для применения запрета принудительного взыскания перевозчик должен находиться в процессе банкротства, так как правила о моратории включены в закон о несостоятельности.

Юристов немало удивила такая позиция суд. При таком ограничительном толковании смысл норм о моратории полностью теряется, так как последствия введения процедуры банкротства — наблюдения и конкурсного производства — сами по себе предусматривают приостановление и прекращение исполнительного производства, указывал управляющий партнер «Ар-

битраж.ру» Даниил Савченко. Партнер MGP Lawyers Денис Быканов допускал, что такая трактовка связана с «крайне небрежной формулировкой» нормы, а также с тем, что упомянутое правило включено не в закон об исполнительном производстве, а в закон о банкротстве. При этом, по мнению Олега Зайцева, суд вправе проверить платежеспособность должника и, «если лицо из пострадавшей отрасли переносит пандемию без финансовых затруднений, оно не должно получать мораторные привилегии».

Проблемы правоприменения привлекли внимание высшей судебной инстанции. Так, 21 апреля ВС в обзоре практики №1 дал первые разъяснения насчет применения моратория, указав, что для возврата заявления кредитора о признании должника банкротом суду достаточно установить, что должник включен в мораторный список. «Обстоятельства возникновения задолженности должника перед кредиторами (в том числе причины, по которым она возникла, связь с основанием для введения моратория), а также период ее возникновения правового значения не имеют», подчеркивалось в обзоре. Кроме того, в документе уточнялось, что иски к таким должникам продолжают рассматриваться судами, а на решения судов продолжают выдаваться исполнительные листы. Закон предусматривает приостановление исполнительного производства в отношении подмораторных должников, но, как отметил ВС, аресты на их имущество сохраняются и даже могут быть наложены новые. Тем самым практика отказа в выдаче исполнительных листов была пресечена.

30 апреля ВС выпустил второй обзор практики, часть которого также была посвящена вопросам применения моратория. Ряд положений документа защищал интересы

кредиторов — к примеру, если подмораторный должник заявит о своей ликвидации, то с него снимается банкротный иммунитет и кредиторы вправе инициировать процедуру, говорилось в обзоре. Более того, ликвидатор такого должника обязан сам обратиться за признанием того банкротом при наличии признаков несостоятельности. Здесь ВС пояснил, что цель моратория — защитить должников, пострадавших из-за пандемии, и дать им возможность «вернуться к нормальной хозяйственной деятельности» по окончании карантинных мер, но в случае, если лицо самостоятельно заявляет о своей ликвидации, речь о спасении бизнеса уже не идет.

Другая часть разъяснений касалась защиты подмораторных должников. Во-первых, для того, чтобы обанкротить должника после окончания моратория, кредиторам нужно будет снова разместить на Федеральном сайте сообщение о намерении признать лицо банкротом (за 15 дней до обращения в суд), даже если оно публиковало такое уведомление ранее. Во-вторых, в отношении подмораторных должников приостанавливается начисление не только неустоек по требованиям, возникшим до введения моратория, но и процентов по ст. 395 Гражданского кодекса (за нарушение исполнения денежных обязательств). В-третьих, ВС устранил пробел в законе, позволяющий кредиторам обойти ограничения на принудительное взыскание долга. Согласно поправкам, исполнительное производство приостанавливалось и приставы не могли обратить взыскание на имущество подмораторного должника, однако у кредиторов оставалась возможность направить исполнительный лист на взыскание долга непосредственно в банк, где должника были счета. ВС указал, что мораторий подразумевает невозможность любого

принудительного взыскания с должников из списка, в том числе через кредитные организации.

Подводя итоги летней практики, можно сказать, что круг защищаемых от банкротства лиц расширился еще больше: суды спасают и тех должников, чьи дела о банкротстве были возбуждены до введения моратория и даже до объявления пандемии. Закон говорит лишь о том, что, если до введения моратория суд не принял заявления кредитора о банкротстве должника к производству, оно возвращается, а дело не возбуждается. Однако не ясно, что делать, если в срок до 6 апреля заявление кредитора было принято и дело возбуждено, но ни одну из банкротных процедур суд ввести не успел. Все осложнялось еще и тем, что после объявления карантина в марте работа судов в течение двух месяцев ограничивалась только рассмотрением неотложных вопросов — как следствие, кредиторам приходилось до полугода ожидать подвижек по банкротному делу, а в результате суды отказывались вводить в отношении должников какую-либо процедуру банкротства, дела приостанавливали или прекращали.

ВС пока не дал разъяснений по этому вопросу. По мнению адвоката практики реструктуризации и банкротства Art de Lex Юлии Шиловой, такие действия судов соответствуют цели введения моратория и «в любом случае решают задачу по предотвращению одновременного массового банкротства предприятий из наиболее пострадавших сфер». Впрочем, партнер МЭФ РКФ Александр Овеснов высказывал опасения, что поголовное прекращение дел всех должников, по которым не успели ввести процедуру банкротства, может привести к злоупотреблениям. По его словам, «если к банкротству должника привели не пандемия и эпидемиологическая ситуация в

стране и мире, то блокировка процедуры банкротства должна трактоваться как нарушение прав кредиторов и на таких должников мораторий распространяться не должен».

Оценки и прогнозы на будущее

В целом юристы одобряют принятые правительством меры по защите бизнеса от принудительного банкротства. «Нет никаких сомнений в правильности введения моратория», — уверен Олег Зайцев. Уровень неопределенности прогноза экономической ситуации на момент начала пандемии был беспрецедентно высок, и потому запускать волну банкротств бизнесов в этот момент было бы явно неверно со всех точек зрения — и должники, и кредиторы, и суды не смогли бы принимать рациональные решения о судьбе бизнеса, пострадавшего от ограничительных мер в связи с пандемией».

С ним согласен и Дмитрий Якушев: «Введение моратория, безусловно, было позитивной и своевременной мерой, направленной на поддержку компаний, наиболее серьезно пострадавших от пандемии коронавируса. Аналогичные меры были введены во многих странах, поэтому действия правительства РФ согласуются с общемировой тенденцией». Господин Зайцев уточняет, что в той или иной форме мораторий ввели, в частности, Германия, Англия, Испания и Индия. А в Испании и Франции компании освободили от обязанности подавать заявления о собственном банкротстве на период действия введенного там режима чрезвычайного положения, добавляет господин Якушев.

По мнению Олега Зайцева, «основной трудностью применения моратория стало то, что критерии его применения были описаны в законе и постановлении пра-

вительства очень абстрактно, а потому не всегда легко понять, справедливо ли применять мораторий к конкретному должнику». Господин Якушев отмечает, что в ряде случаев суды чрезмерно поддерживали компании, подпадные под действие моратория, делая это в ущерб кредиторам. При этом председатель «Банкротного клуба» указывает, что судебная практика по применению моратория только начинает формироваться, а «самые серьезные споры начнутся уже после окончания моратория».

Юристы не сомневаются, что уже в октябре, когда действие моратория закончится, количество банкротств возрастет — вопрос лишь насколько. «Учитывая, что летом серьезно ослабили ограничения, связанные с пандемией, ряд бизнесов вернулся к нормальной финансовой деятельности, и потому есть шанс, что по окончании моратория дел о банкротстве будет не так много», — выражает надежду господин Зайцев.

По этой же причине он предполагает, что правительство не будет продлевать мораторий. Дмитрий Якушев констатирует, что благодаря мораторию компании лишь получили отсрочку, поэтому с большой вероятностью после его окончания количество банкротств возрастет, «особенно в сфере гостиничного и ресторанный бизнесов, которые в связи с действующими ограничениями в сфере туризма могли не успеть восстановить свое докризисное имущественное положение». По его мнению, возможно, имеет смысл продлить мораторий для тех компаний, на деятельность которых до сих пор наложены карантинные ограничения либо эти ограничения были сняты недавно (кинотеатры, выставки, компании, занятые в сфере организации массовых мероприятий).

Анна Занина